

(Великоустюгский музей-заповедник), продемонстрировавшей образы Прокопия и Иоанна Устюжских на облачениях духовенства из собрания Великоустюгского музея-заповедника; М.А. Маханько (Музей им. Андрея Рублёва; ЦНЦ «Православная энциклопедия»), задумавшейся о роли мученика Христофора-«песьеглавца» в произведениях лицевого шитья Строгановых XVII в. как символе добродетели или семейном покровителе. В дни конференции также прошли мастер-классы по лицевому шитью, в частности о силуэте в иконе Е.А. Алёшиной (Иркутская Епархия, Союз художников России), про шов «в обкрутку» М.В. Королёвой (ПГИ «Со-действие», Москва), о двухстороннем лицевом шитье, поисках ответов и реконструкциях Н.В. Мокрушиной (МПДА, Сергиев Посад), о многоцветных обратных прикрепах Е.Н. Черных («Убрус», Санкт-Петербург). К работе конференции была приурочена выставка произведений современного церковного лицевого шитья «Мироносицы», объединившая мастериц и художников Санкт-Петербурга, Москвы, Сергиева Посада, Великого Новгорода, Крыма, Оптиной пустыни, Введенского монастыря г. Иваново. Коллеги почтили память реставратора и преподавателя МДА Т.А. Горошко (1934–2024), специалиста, спасшего такие важнейшие памятники русской истории и шедевров лицевого древнерусского шитья, как ризы преподобного Сергия Радонежского XV в., «Голубая плащаница» князей Старицких 1561 г., клобук митрополита Ионы Сысоевича 1664 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Маханько Мария Александровна — кандидат искусствоведения, заведующий научно-исследовательским отделом, Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва, Андроньевская пл., 10, Москва, Российская Федерация, 105120. mariyamakhanko@yandex.ru

АУТОР

Makhanko, Maria Alexandrovna — Ph. D., head of Research Department, The Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art, Andronjevskaya pl., 10, 105120, Moscow, Russian Federation. mariyamakhanko@yandex.ru

К 80-летию Л.И. Лифшица. Посвящение ученому соседу

Не помню точно числа, месяца и даже года моего знакомства с Лёвой — Львом Исааковичем Лифшицем, доктором искусствоведения, заслуженным деятелем искусства РФ. Кажется, мы были знакомы всегда. Но помню я его уже в неизменном сопровождении Елены Яковлевны Остащенко. Скорее всего, это было до их бракосочетания. Мы познакомились около 1960–1962 гг., после моего поступления на работу в Музей им. Андрея Рублёва. Образование Л.И. было завидно широким и углубленным. Большую роль в формировании его интереса к истории искусств оказала семья. Матушка Льва Исааковича, Марина Львовна, со второй половины 1950-х гг. в течение многих лет работала в отделе научной популяризации искусства Третьяковской галереи, обладая поистине энциклопедическими знаниями. Разговор с ней был всегда поучителен. По молодости лет мне она казалась излишне суровой и категоричной. Важными для формирования личности и вкусов, эстетических воззрений Л.И. стали занятия в Клубе юных искусствоведов при Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Здесь он познакомился с выдающимся искусствоведом, лектором и педагогом Игорем Голомштоком (1929–2017).

В 1961 г. Л.И. поступил на вечернее отделение кафедры истории искусств исторического факультета МГУ и был принят на работу в ГТГ, тем самым продолжив семейную традицию. Более того — здесь он познакомился со своей будущей супругой. И не только с ней. В начале 1960-х гг. в галерее работали несколько замечательных специалистов, чья деятельность определялась принципами тонкого знаточества. В ее стенах Л.И. сблизился с Алексеем Николаевичем Свириным (1886–1976), который для нас, младшего поколения, во многом олицетворял традиции классического русского искусствоведения. Свирин с особой теплотой вспоминал о своем общении с Д.В. Айналовым (1862–1939) и совместной работе с отцом Павлом Флоренским (1882–1937) и Ю.А. Олсуфьевым (1878–1938). Вспоминая последнего, Л.И. неизменно упоминал о его владении столярным мастерством и прибавлял, что его обучением занимался профессионал английского (кажется, шотландского) происхождения. А.Н. Свирин предложил Л.И. занять освободившееся место лаборанта в фонде драгметаллов под своим же руководством. Тогда же Л.И. Лифшицем был сделан окончательный выбор специальности — в пользу отечественных древностей.

В 1970 г. вышел в свет очередной (четвертый) сборник статей серии «Древнерусское искусство» с подзаголовком «Художественная культура

Лев Исаакович Лифшиц

Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв.», который стал этапным и своего рода переломным в развитии отечественной науки о древнерусском искусстве. В состав сборника были включены статьи недавно кончивших или работавших над дипломными проектами студентов искусствоведческой кафедры истфака МГУ. Среди них опубликован и переработанный диплом Л.И. «Икона Донской Богоматери».

Чтение лекций на подготовительных курсах кафедры истории искусств МГУ в 1960-е гг. сблизило Л.И. с другим ярким представителем научного мира 1970-х гг. и последующего времени, А. И. Комечем (1936–2007). И сонм слушательниц-поклонниц (на подготовительных курсах преобладали барышни) разделился, как говорят, на два лагеря соответственно своим пристрастиям.

Работа в окружении выдающихся знатоков музейного дела, возможность видеть произведения вне экспозиционного или выставочного контекста, иногда даже возможность прикоснуться к шедевру, подержать в руках позволили Л.И. стать специалистом высокого уровня, которому дано видеть исследуемые произведения во всем многообразии его историко-культурных связей, оценить их художественные достоинства. Не случайно одним из важных аспектов деятельности ученого являются атрибуционные штудии. Л.И. сохраняет к ним интерес и привязанность на протяжении всей своей длительной профессиональной деятельности. Особо существенными являются его работы по систематизации новгородской и псковской живописи XIII–XV вв.

В 1987 г. Л.И. переходит на работу в Государственный институт искусствознания, в Сектор истории древнерусского искусства, который возглавляла в те годы О.И. Подобедова (1912–1999).

Тогда же вышла его монография «Монументальная живопись Новгорода XIV–XV веков». Так случилось, что для того, чтобы получить книгу в подарок, я должен был встретиться с автором в сквере, гуляя с младшим сыном. Поглядев на обложку книги с дланью из росписи Феофана Грека, мой пятилетний сын глубокомысленно заключил: «Это не дяди Левина рука». Я его не разубеждал.

В 2000 г. Л.И. стал заведующим Сектором истории древнерусского искусства, в дальнейшем защитил докторскую диссертацию по монографии 2004 г. «Очерки истории живописи Пскова. Середина XIII – начало XV века. Становление местной художественной традиции». В том же году была опубликована крупная коллективная монография «Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI – первая четверть XII века», написанная им в соавторстве с В.Д. Сарабьяновым и Т.Ю. Царевской.

С 2012 г. Л.И. является ответственным редактором и автором разделов по живописи и монументальной пластике томов новой «Истории русского искусства», посвященных древнерусскому искусству домонгольского времени (т. 2/1, 2/2, 3/1).

Наряду с этим Л.И. Лифшиц принимает активное участие в разработке вопросов сохранения отечественного культурного наследия. С 1980 г. он регулярно ведет работу в Научно-методическом совете Министерства культуры РФ, возглавляя секцию монументальной живописи совета. Под его руководством на протяжении 2014–2016 гг. реставрировались росписи Андрея Рублёва и Даниила Чёрного 1408 г., максимально освобождаемые от позднейших наслоений.

Л.И. до сих пор легок на подъем. С ним легко работать в реставрационных комиссиях и даже писать совместные труды. С особым чувством вспоминается наша поездка в Рим весной 2002 г. Собственно — в Ватикан, в составе комиссии (куда же входили С.Л. Кравец и П.В. Хорошилов) для определения древности иконы «Богоматерь Казанская», хранившейся в папской молельне. Образ оказался сравнительно поздним — середины XVIII в. — но возможности, благодаря поездке, были поистине исключительными: помимо осмотра музеев Ватикана, специально после закрытия в пустых залах в сопровождении директора, нам вдвоем удалось посетить несколько римских храмов и пройтись по ватиканскому парку.

Нас многое объединяет. Во-первых, общие воспоминания о тех, кто нас учил и у кого мы учились, с кем мы работали. Во-вторых, общие профессиональные интересы. Надеюсь, еще долго мы будем общаться, радоваться возможности этого диалога — профессионального и человеческого.

Г.В. Попов